

ДАР СОСТРАДАНИЯ

Смерть великого русского писателя Александра Исаевича Солженицына вызвала широкий резонанс во всём мире. С полным основанием в эти дни критики всех рангов вновь и вновь подчеркивают то огромное влияние, которое творчество этого мастера слова и историка оказало на развитие современной литературы.

В самом деле, «Архипелаг ГУЛАГ», рукопись которого с большим трудом удалось в 1973 г. тайно переправить на Запад и опубликовать здесь, по сути дела стал началом краха мировой коммунистической системы. Во всяком случае, после появления «Архипелага» никто больше в открытую не осмеливался оспаривать то, что советский режим представлял собой гигантскую террористическую сеть, которую возглавлял ЦК КПСС. В этом, на мой взгляд, главное значение творчества Александра Исаевича Солженицына.

«И милость к падшим призывал...»

Мне лично кончина великого русского художника напомнила следующий малоизвестный эпизод, который Александр Исаевич упоминает в своем фундаментальном произведении «Двести лет вместе». Дело в том, что уже весной 1942 г. еврейские переселенцы с Украины создали на территории Республики немцев Поволжья еврейские колхозы, что в районе Биробиджана удавалось с большим трудом. Как пишет И.Шехтман, еврейские колхозы возникли «по иронии судьбы»: в местах, где до этого проживали насильно сосланные в Сибирь и Казахстан немцы Поволжья. Здесь следует добавить, что в Еврейском Антифашистском Комитете (ЕАК) после депортации немцев Поволжья был разработан проект создания Еврейской республики на месте упраздненной по решению сталинского руководства Республики немцев Поволжья. Это подтверждает, в частности, Эстер Маркиш, вдова члена ЕАК Переца Маркиша, которая пишет, что Маркиш подавал письмо – «по поводу передачи евреям бывшей республики немцев Поволжья». То обстоятельство, что изгнанные со своей земли и влачившие полуголодное существование немцы Поволжья, как и большинство российских немцев, в это время «искупали свою вину» в рудниках и шахтах Крайнего Севера и валили лес в сибирской тайге, Переца Маркиша, очевидно, не интересовало...

Не могу в этой связи не привести мысль Александра Исаевича Солженицына, который как-то написал, что у измученных своими бедами людей и народов нередко падает порог сочувствия к бедам других. К сожалению, явление это имеет место и в литературе. Далеко не всем писателям дан дар сострадания, сочувствия чужому горю, умение, а главное, желание внедриться в национальное инобытие, подняться выше своих узконациональных интересов, разорвать порочный круг чудовищных огульных обвинений, с презрением отвернуться от человеконенавистнических пропагандистских клише, рожденных больной фантазией писак типа Ильи Эренбурга, с негодованием отвергнуть травлю беззащитных изгоев, поставленных по сути дела вне закона.

Александр Исаевич, в отличие от большинства «советских писак», даром сострадания, чувством милосердия к слабым и беззащитным обладал в полной мере. Он был истинным христианином и находил в своих произведениях слова сочувствия, «призывая милость к падшим». Так, в «Архипелаге» писатель вспоминает: «Одной молоденькой немочке, Виктории Нус, поступившей в двухлетний учительский институт, я пытался внушить мысль, что положением ссыльного надо не тяготиться, а гордиться». То, что «молодая немочка» после этого посмотрела на него «как на безумного», уже другая тема...

В этом же произведении Солженицын затрагивает проблему российских немцев и в историческом плане, разоблачая при этом лицемерие советской национальной политики: «Тут же был и поток немцев – немцев Поволжья, колонистов с Украины и

Северного Кавказа и всех вообще немцев, где-либо в Советском Союзе живших. Определяющим признаком была кровь, и даже герои гражданской войны и старые члены партии, но немцы – или в эту ссылку».

Характеризуя в третьем томе «Архипелага» репрессированные народы, Солженицын посвящает российским немцам следующие строки: *«Среди всех отменно трудолюбивы были немцы. Всех бесповоротнее они отрубили свою прошлую жизнь (да и что за родина у них была на Волге или на Маныче?) Как когда-то в щедронные екатериненские наделы, так теперь вросли они в бесплодные суровые сталинские, отдались новой ссыльной земле как своей окончательной. Они стали устраиваться не до первой амнистии, не до царской милости, а навсегда. Сосланные в 41-м году наголе, но рачительные и неутомимые, они не упали духом, а принялись и здесь так же методично трудиться. Где на земле такая пустыня, которую немцы не могли бы превратить в цветущий край, не зря говорили в прежней России: немец, что верба, куда не ткни, тут и принялся.¹ На шахтах ли, в МТС, в совхозах не могли начальники нахвалиться немцами – лучшие работников у них не было.² К 50-м годам у немцев были – среди остальных ссыльных, а часто и местных – самые прочные, просторные и чистые дома; самые крупные свиньи; самые молочные коровы. А дочери их росли завидными невестами не только по достатку родителей, но – среди распущенности прилагерного мира – по чистоте и строгости нравов».*

Всё, будто, схвачено верно. Добавить здесь особенно нечего. Кто из года в год слышал в свой адрес лишь гадости и оскорбления («немцы – не люди»), читал приведенные строки со слезами на глазах. И все же утверждение, что Волга, Маныч и т.д. не были для российских немцев Родиной, и что устраивались они в местах ссылки «навсегда», представляется несколько упрощенным, схематичным. Мне кажется, Александр Исаевич, делая этот вывод, забыл о том, что «кремлевская камарилья» расправилась с российскими немцами с особой жестокостью. Ведь они, в отличие от других народов, были депортированы уже в 1941 г. Их семьи были насильно разорваны, мужчин отправили за колючую проволоку «тудармий», затем та же судьба постигла девочек с 16 лет и женщин, которых насильно разлучали с их детьми старше трех лет. Ни один из депортированных (преимущественно только в 1944 г.) народов этого не испытал. Поэтому большинство выживших в сталинской ссылке российских немцев после окончания войны думали не о Волге или Маныче, а о воссоединении оставшихся в живых членов своих семей. И устраивались они не «навсегда», как мы теперь знаем, а подчиняясь суровой необходимости. Ибо любая попытка покинуть «предоставленные места» каралась каторжными работами сроком до 20 лет. Любой протест в этой ситуации означал неминуемую смерть в застенках НКВД. Но Родину свою «на Волге или Маныче» они не забывали. И как только это стало возможным, начали борьбу за возвращение в родные места.

Это в Кремле было задумано оставить нас в «предоставленных местах навечно», а местные партийные князьки, радуясь послушной рабсиле, всячески препятствовали изменению ситуации, сложившейся в результате организованного ЦК КПСС геноцида. Но жизнь внесла свои коррективы. Подавляющее большинство российских немцев в настоящее время устраивается «навсегда» на своей исторической родине.

«Раковый корпус»

С подкупающей симпатией и сочувствием изображает Александр Исаевич образы российских немцев и в своем романе «Раковый корпус». При этом бросается в глаза,

¹ Вот и тыкали, куда хотели, вернее, куда надо было.

² В любом «нормальном» государстве это качество вознесло бы нас на недостижимую высоту. В СССР же, где мы интересовали правящую верхушку лишь в качестве послушной рабочей силы, большевики и их последователи привели нас в качестве этнической группы на грань уничтожения.

что автор, характеризуя своих героев, обращается к немецким идиомам и даже цитатам, что для русской литературы советского периода обычным отнюдь не назовешь. Так, изображая серьезный нрав доктора Гангарт, он пишет, что она «*не принимает жизни auf die leichte Schulter*». А Костоготов и Шулубин, дискутируя о литературе, даже цитируют стихи немецкого революционного демократа и поэта Георга Гервега:

*Wir haben lang genug geliebt
Und wollen endlich hassen!*

И все же не могу не согласиться с мнением известного казахстанского критика Герольда Бельгера, у которого одна из известных работ Солженицына – «Как нам обустроить Россию?» - вызывает недоумение. Характеризуя населяющие Россию народы, автор ни словом не обмолвился о российских немцах, что может означать только одно – мавр свое дело сделал, мавр может уходить. Во всяком случае, писатель Александр Фитц утверждает, что, беседуя в Омске с активистом «Возрождения» Виктором Эрлихом, Солженицын по сути дела подтвердил мое предположение. На вопрос:

- Александр Исаевич, каким Вы видите роешение проблемы российских немцев?

Солженицын ответил вопросом:

- Где?
- В России, - уточнил Эрлих.
- У вас же есть Германия, - сказал Солженицын.

Таким образом, несмотря на свое сострадание и сочувствие к российским немцам в своей концепции обустройства России Солженицын их не предусмотрел. Вопреки тому глубокому следу, который они оставили во всех областях общественной и политической жизни своей новой родины. Подняться в нашем вопросе выше своей «национальной кочки», по образному выражению Герольда Бельгера, не смог и Александр Солженицын. И все же российские немцы, памятуя о сочувствии и человеколюбии великого русского писателя, будут вспоминать его с неизменной благодарностью.

Еще при жизни Александр Исаевич обратился к патриарху всея Руси с просьбой похоронить его в Москве в Донском монастыре. Эта просьба удовлетворена. На могилу великого русского художника не зарастет народная тропа.

Роберт Корн
2008